

САМОСОЗНАНИЕ АЛБАНЦЕВ УКРАИНЫ: ЭТНОНИМ, ЛИНГВОНИМ И МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТАХ *

Александр Новик

УДК 39(477=18):303.446.2

У статті досліджується роль мови як маркера ідентичності албанського населення в селах Одеської та Запорізької областей України. На прикладах поширення побутових тут етнонімів, лінгвонімів показано вплив різних чинників (конфесійного, науково-історичного) на процеси самосвідомості. Аналізуються зміни, що відбулися в культурі та побуті албанців з моменту переселення їх із Балканського півострова (на початку ХІХ ст.) і до сьогодні.

Ключові слова: албанці України, етнонім, маркери ідентичності.

The article analyzes the peculiarities of the south-Ukrainian Albanian population's consciousness forming by way of example of the dwellers of the following villages: Zhovtneve (a former name for Karakurt) (Bolhrad District, Odesa Region), Heorhiivka (former name for Tiuyushky), Divnynske (former Taz), and Hamivka (former name for Dzhandran) (all – in Pryazovske District, Zaporizhzhia Region). The identity problems are examined in the historical, linguistic and extralinguistic contexts thereby ensuring realization of interdisciplinary approach to investigation into the issue.

Keywords: Albanians, self-consciousness, identity, linguonym, ethnonym, self-identification.

На юге Украины расположены четыре села с албанским населением: Жовтневое (старое название — Каракурт) Болградского района Одесской области, а также три села в Запорожской области, недалеко от города Мелитополя: Георгиевка (бывшее название — Тюшки), Девнинское (бывший Таз) и Гаммовка (прежнее название — Джандран).

К истории вопроса. Впервые на территории Российской империи албанский населенный пункт возник в 1811 году. Тогда в Буджаке (междуречье Прута и Днестра) селение Каракурт было заселено выходцами с Балканского полуострова. Их переселение явилось результатом политики царского правительства, пытавшегося заселить значительные территории, отошедшие к России после русско-турецких войн [15, с. 21]. Албаноязычные села в Запорожской области возникли в 1861–1862 годах. Их основали выходцы из Каракурта.

До прихода в пределы Российской империи предки современных буджакских и приазовских албанцев несколько веков прожили среди болгар и гагаузов. Приход на Балканы осман-

ских завоевателей вызвал значительные волны миграции в период XV–XVII вв. Ушедшие с албанской территории ориентировочно в XVII–XVIII вв. поселенцы обосновались вначале в Восточной Болгарии, в районе Варны. Там они проживали совместно с болгарами и гагаузами. А затем, в начале XIX в., спасаясь от усиливающегося гнета османских завоевателей, переселились в пределы Российской империи. Вместе с албанцами переселялись болгары, гагаузы, представители других народов [7].

В Каракурте население с момента переселения выходцев с Балканского полуострова было полиэтничным. Здесь поселились албанцы, болгары и гагаузы. Численно в селении преобладали албанцы. В селах Георгиевка и Девнинское население изначально было почти исключительно албанским. В Гаммовке албанцы проживали совместно с гагаузами. Долгое время население приазовских албанских сел оставалось почти полностью моноэтничным (за исключением Гаммовки).

На новых землях албанцы впервые столкнулись с русскими и украинцами, молдава-

* Статья, с небольшими изменениями, опубликована в «Этнографическом обозрении» в 2011 году [24].

нами и ногайцами. Жизненный уклад, бытовые установки, традиции и обычаи тесным образом связывали албанцев с другими выходцами с Балканского полуострова. Владели албанцы, помимо своего родного — албанского, еще и гагаузским, и болгарским языками [6, с. 117–151]. Без знания языков соседей нельзя было свободно общаться, иметь хозяйственные и личные связи.

Русскоязычные люди были совершенно новым этносом, с которым албанцы впервые столкнулись в Буджаке после переселения. Общение с русскими ограничивалось, как правило, контактами с русскими чиновниками — представителями властей. Как вспоминают информанты, вплоть до второй мировой войны албанки русскими пугали своих детей: «Придет русский и заберет тебя» [18]. Если в селе неожиданно появлялась какая-нибудь подвода из районного центра с начальством либо еще кто-нибудь «чужой», то женщины также гнали ребятишек домой и прятались сами: «Русские едут!»

Однажды баба Калинка шла до моей матери. Мама жила аж в том краю села, а баба Калина на этой улице, самый крайний дом. Шла она с двумя палочками — уже темно было. А на лошади ехал с Добревки верховой. Приезжал к нам в сельсовет. Она услышала, что сзади стук копыт, оглянулась, как увидела, что русский — аж упала с ног, так испугалась. Тот коня остановил, прыгнул с лошади: «Бабушка! Что с Вами? Что случилось?» А она и ответить не может, только рукой махнула. Он тогда снова запрыгнул на коня и поскакал к себе.

Баба Калина пришла до матери и говорит: «Pij save! Ashtu u trembsha nga rusi! Unë harë lle ra hirë [Ой... Так напугалась русского! Если бы открылась земля, туда бы зашла! — А. Н.]».

Так боялись русского. Это потому, что здесь раньше одни албанцы жили. Было это в 1930-е годы [24].

До 1920-х годов албанцы вообще не признавали и не приветствовали межэтнические

браки. После лихолетья двух революций и гражданской войны в селах значительно сузились возможности выбора брачного партнера. Однако несколько десятилетий эта свобода выбора ограничивалась весьма малым списком народов, за представителей которых можно было выходить замуж или жениться. Вступать в брак разрешалось со «своими», а именно с болгарами и гагаузами. Всех прочих считали «чужими».

Голодомор 1932–1934 годов на Украине не обошел стороной албанские села. В Приазовье погибло множество людей самых разных национальностей [26]. В албанских селах Голодомор вспоминают чаще и с большим волнением, чем военные годы. После окончания Великой Отечественной войны в здешних местах остро ощущался недостаток рабочих рук. В то же время в присоединенной к Советскому Союзу Западной Украине были переизбыток рабочей силы и нехватка рабочих мест. Официальный Киев стал переселять людей из западных областей Украины в ее восточную часть. Молодых незамужних девушек привозили на грузовиках в местные колхозы и устраивали на работу — кого на животноводческую ферму, кого в полеводческую бригаду и т. д. В скором времени стали возникать новые семьи — местные парни охотно женились на таких поселенках. К тому же старики уже не могли активно противиться межэтническим бракам. Население Приазовья стало еще более смешанным [1].

Начиная с середины 1940-х — начала 1950-х годов, албанских юношей стали призывать в армию. До этого албанцы в армии большей частью не служили. Во время войны власти начали отсеивать из армии представителей народов, находившихся под гитлеровской оккупацией либо воевавших на их стороне, в этот список попали и албанцы. После службы в рядах вооруженных сил много албанских парней привезли себе жен. С этого момента происходит коренной перелом в укладе местных деревень. В семьях, в которых традиционно говорили на албанском, в присутствии мо-

Сельский храм. с. Жовтневоє.
Фото А. Новика. Май 2011 г.

лодой невестки и снохи начинают говорить по-русски, чтобы она могла понять, о чем идет речь. Дети, рождавшиеся в смешанных семьях, становились сызмальства двуязычными. Причем первым языком для них зачастую становился русский.

Чисто албанских семей, как говорят сами жители, практически не осталось. Тем сильнее подчеркивают свой «албанский род» сохраняющиеся еще в малом количестве несмешанные семьи. Но и в таких семьях албанская речь уже не звучит постоянно. Здесь свою роль сыграла школа, преподавание в которой велось на русском языке. Дети из албанских семей, приходившие учиться в первый класс, сталкивались с большими языковыми проблемами [20]. Поэтому многие албаноязычные родители в присутствии детей начали переходить на русский язык. Как вспоминают учителя, еще 25–30 лет назад дети на школьных переменах разговаривали между собой по-албански. Сейчас школьники общаются по-русски.

С языковым вопросом неразрывно связан вопрос и **этнической самоидентификации** [8]. По последней переписи населения в Советском Союзе в Украине проживало приблизительно 5 тыс. албанцев [16]. Отсутствие графы «национальность» в новых украинских паспортах затрудняет выявление этнической принадлежности населения. Единственным источником, позволявшим до сих пор определять численность той или иной этнической группы, оставались похозяйственные книги сельсоветов, до 2000 года сохранявшие графу «национальность». Работая с ними, можно было не только подсчитать численность албанского населения по годам, но и проследить степень престижности выбора той или иной этнической идентичности. Зачастую даже если в семье лишь бабушка или дедушка были албанцами, внуки могут записываться албанцами. И здесь действуют несколько иные механизмы, чем, скажем, в случае принадлежности к немецкому, еврейскому, болгарскому или греческому этносу. Албанцем в Украине быть не выгодно, так как Албания не оказывает помощи, не действуют экономические, образовательные программы и т. д. по поддержке диаспоры. В то же время люди декларируют свою этническую идентичность. И это устойчивый процесс. Многие люди записывали себя украинцами или русскими, имея албанских предков. К примеру, в с. Георгиевка в 1998 году была обнаружена такая запись: «Отец — албанец. Мать — русская. Сын — украинец. Пол — женский». Однако это всего лишь казус. А внимательное изучение похозяйственных книг дает возможность проследить менявшиеся стереотипы и взгляды на собственную идентичность.

В Приазовье, как и в Украине в целом, распространено слово *суржик*. Оно означает, чаще всего, смесь русского и украинского языков. *Суржи́ком* сами себя называют и люди, родители которых представляют разные этносы. Многие информанты мне рассказывали о себе: «Я — суржик. У меня отец — албанец, а мать — украинка» [18]. Более того, целые

семьи полиэтничного состава также часто называют *суржиками*.

Этноним как проблема. У албанцев Украины существует несколько этнонимов, время сложения которых мы можем теоретически и даже фактически обосновать. Самым распространенным является словосочетание *ga tantë* (*ga tantë*), дословно обозначающее «из наших». Этот этноним использовался албанцами еще во время переселения в пределы Российской империи. Тесным образом с этнонимом связан лингвоним. На албанском говоре Украины он звучит *si nëvë* (*si neve*), то есть «по-нашему, как мы». Фраза «говорить по-албански» звучит следующим образом: «залахит си nëvë» (*zallahit si neve*) — «говорит, как мы».

Этноним *ga tantë* был принесен албанцами с Балканского полуострова. И возник он, по всей видимости, еще в период проживания непосредственно в албанских землях. С этим самоназванием албанцы пришли в восточные районы Болгарии. Если согласиться с предполагаемым большинством исследователей временем переселения из албанских земель в Восточную Болгарию, а это XVI—XVII вв. *, то сохраняющийся в среде албанцев Украины этноним подтверждает данную гипотезу. В самих албанских землях современный этноним *шкиптар* (*shqiptar* — *i*) возник не ранее XVIII в. [5, с. 204—252]. Тогда же он был и зафиксирован английским исследователем У. Ликом. *Шкиптар* обозначает: «тот, кто говорит понятно, разборчиво». Это современное значение этнонима. В албанском языке сохраняется глагол *shqiptoj* — «говорить по-

* Часть исследователей склонна считать, что переселение произошло в XV в. Полевые исследования последних лет (2011—2013) на западе Балканского полуострова, в Юго-Восточной Албании (краины Корча, Дэвол, Колёнья), дают основание автору считать, что переселение части албанского населения на восток Болгарии произошло значительно позднее, а именно в начале XVII в., в период, когда происходили переделы земельной собственности в силу усиления гнета мусульманских правителей, направленного против местного христианского населения.

нятно, ясно». От него и произошел этноним *шкиптар*. Тогда, на рубеже XVII—XVIII вв., в период очевидной необходимости консолидации албанских земель, возникла потребность в едином самоназвании этноса, который прежде имел различные региональные (областные) этнонимы [33]. Письменная традиция имела устоявшиеся названия для албанского этноса — в зависимости от того, на каком языке создавался текст. Арбэры, арбаны, албаны, арбэреши, арваниты, арнауты и т. д. — так называли албанский этнос и его этнические группы соседи по Европейскому континенту и в Азии. Однако закрепленного традицией албанского самоназвания, общего для всего этноса, не существовало. Это отражало раздробленность страны, входившей в разные периоды в состав различных государств, а также исключительное влияние региональных особенностей на все стороны жизни населения, в том числе и на самосознание, которое вплоть до XVIII в. было в большей степени региональным. Изменение общественных отношений, формирование национальных интересов привело к выработке национальной идеи. Для албанцев принципиальной стала принадлежность не к *краине* (*krahinë* — *a* — исторически сложившаяся область с едиными экономическими, политическими и географическими особенностями), а ко всему этносу, с общностью языка, истории, традиций и поведенческих стереотипов.

Тот факт, что албанцы Украины сохранили архаичный этноним, свидетельствует о том, что переселение из албанских земель произошло ранее начала XVIII в. Более того, в албанском говоре Украины сохраняется глагол *shqiptoj*, который обозначает «понимать» (а не «говорить ясно, понятно», как в современном албанском литературном языке). Т. е. *шкиптар* — гипотетически «тот, кто понимает». Здесь уже говор албанцев Украины может пролить свет на этимологию современного этнонима албанцев.

До XX в., как ни странно, этническая принадлежность албанцев Украины не всегда была понятна не только их соседям, но и им

самим (!). Распространенные этноним и лингвоним не всегда позволяли представителям сообщества соотнести себя с албанцами Балканского полуострова. Поэтому вокруг происхождения албанцев Украины складывались бесконечные легенды.

В период проживания в Восточной Болгарии местная османская администрация, безусловно, причисляла их к христианской части населения империи. Турки называли албанцев арнаутами. В самой Болгарии было известно название *арбанас*. (Здесь достаточно вспомнить довольно известное село Арбанаси недалеко от г. Габрово. Оно возникло как поселение выходцев из албанских земель). Однако зная, что их так называют соседи, албанцы не принимали данное название в качестве этнонима длительное время, во всяком случае до времени переселения в пределы Российской империи.

До начала XX в. албанцы Украины продолжали называть своих соплеменников «*нашими*» — *га тантэ*. Для российских чиновников они были прежде всего православными выходцами из Болгарии, по большому счету, болгарам. Второй этноним албанцев Украины сложился в первой трети XX в. и возник под влиянием научных экспедиций, исследовавших данный регион. В 1910–1930-х годах в албаноязычных поселениях Украины проходила работа Николая Севастьяновича Державина. Изучая болгарские поселения на территории Российской империи — Советского Союза, он случайно обнаружил села, в которых говорили по-албански. Однако то, что это именно албанский, местным жителям рассказал сам ученый. Серия его публикаций, посвященных албанцам-арнаутам Украинской ССР, получила широкую известность не только в научной среде, но и на местах, среди интеллигенции и простых сельчан *. Жители албанских сел стали называть себя арнаутами. Соответственно язык, на котором они говорили, стал называться *арнаутче* (arnautçe).

* Основные материалы по албанцам-арнаутам изложены в трудах этого автора [2–4].

Естественно, слово *арнаут* было известно албанцам Украины и до этого времени — именно так их называли гагаузы и турки на протяжении многих веков. И в полиэтничной и полилингвальной среде это слово использовалось для презентации своей этнической принадлежности. Однако, начиная с XX в., *арнаут* стало и самоназванием.

Впрочем этноним *арнауты* не вытеснил существовавший прежде. Он лишь дополнил имагологическую картину самосознания албанцев Буджака и Приазовья, позволив им занять свою нишу среди соседних этносов, населяющих регион. Если прежде албанцы с трудом могли определить свое происхождение и место, откуда они пришли, то теперь они указывали на конкретные территории на Балканах.

То, что мы можем со значительной степенью уверенности утверждать, что этноним *арнаут* получил распространение среди албанцев Украины лишь с 1930-х годов, подтверждают и изыскания Юлии Владимировны Ивановой, проводившей полевые исследования албанских сел Украины, начиная с 1948 года.

Наконец, в Буджаке и Приазовье стал устойчивым этноним *албанец*, звучащий в русифицированном варианте. Однако данное самоназвание появилось лишь в последние десятилетия. Мы можем также сослаться на материалы Ю. Ивановой, исследовавшей албанские поселения в течение полувека. Албанцы Украины стали называть себя албанцами лишь после второй мировой войны. *Албанец*, *албанцы*, *албанский язык* — вошли в речь и сознание местных жителей благодаря деятельности исследователей, не оставлявших без внимания данный полиэтничный регион на протяжении практически столетия. Данные этноним и лингвоним носят в здешних местах скорее искусственный характер и используются от случая к случаю.

Если вопрос с этнонимом поддается датировке и представляет некоторую вполне сформировавшуюся картину, то различные маркеры и символы самосознания у информантов зачастую расплывчаты и неясны [9, с. 217–

218]. Безусловно, все албанцы Украины причисляют себя к албанскому этносу. Однако связь с балканской Албанией в самосознании остается достаточно неопределенной.

Вопрос локализации происхождения этнической группы. В научной среде до сих пор ведутся споры по поводу того, откуда пришли предки албанцев в Восточную Болгарию. Большинство исследователей склонно считать, что местом прежнего расселения были районы современной Юго-Восточной Албании (А. В. Десницкая, Б. Соколова и др.). Данную гипотезу подтверждает анализ языкового материала (S. Islami, Н. В. Котова, О. С. Широков, И. И. Воронина, М. В. Домосилецкая, Л. В. Шарапова, А. В. Жугра, М. С. Морозова). Язык албанцев Украины изначально был сформирован в зоне сложения тоскской языковой общности (южная часть албанской территории). За четыре-пять столетий проживания вне основного албаноязычного ареала говор албанцев Украины не только сохранился, но и сумел сохранить типичные черты южной, тоскской, диалектной зоны [35; 13, с. 14–15, 19–22].

Косвенные подтверждения данного факта переселения из Юго-Восточной Албании мы находим в воспоминаниях и этногенетических легендах жителей албаноязычных сел. Так, в ходе полевой работы мною неоднократно был записан рассказ о том, что предки современных албанцев Украины пришли из района г. Корчи [20]. Корча находится на юго-востоке Албании и представляет собой центр значительной и влиятельной для всей страны области.

Главным фактом, подтверждающим локализацию прежнего проживания предков нынешних албанцев Украины в районе г. Корчи, является сохраняющийся говор. Экспедиции 2010–2013 годов в Приазовье, Буджаке и на Балканах принесли еще ряд материалов, подтверждающих гипотезу происхождения данной группы албанского населения именно из этой местности, однако с существенной корректировкой.

Так, в говоре албанцев Украины довольно часто звучит слово *riј* (пый), которое означает самый широкий спектр чувств и отношения к происходящему — от удивления и восторга до осуждения и выражения презрения. Междо-

Сельский храм. с. Гаммовка. Фото А. Новика. Июль 2010 г.

Сельский храм. с. Георгиевка. Фото А. Новика. Июль 2010 г.

метие *ri* может звучать в начале фразы, в середине или в конце высказывания. Обычно это слово растягивается в речи для придания большей эмоциональности коммуникации. Употребляют его как мужчины, так и женщины, как молодые, так и люди весьма преклонных лет. Совершенно четко фиксируется употребление данного междометия сугубо в албанской среде. Ни болгары, ни гагаузы, ни тем более украинцы и русские, живущие по соседству, его не употребляют.

Интересные результаты дает полевая работа на Балканах, которая позволяет, возможно, по одному этому слову локализовать место проживания предков нынешних албанцев Приазовья. Понятно, что это некоторое уточнение локализации, но весьма значимое. Так, во время полевых исследований в Косово в 2010 году один из информантов подчеркнул, что слово *ri* встречается только в говоре жителей Дэвола (*Devoll* — *i*). Больше оно не встречается нигде на территориях с албанским населением. «По этому междометию, — по словам информанта, — можно точно судить, что человек родом из Дэвола или живет в этой *краине*» [19, с. 12].

Эта локализация помогает нам сделать предположения о характере хозяйственных занятий и бытовой культуре населения, часть которого ушла со своей территории в Восточную Болгарию ориентировочно в XVI—XVII вв. Это исключительно важно для реконструкции реалий и черт традиционной культуры, а также анализа механизмов вхождения инноваций в уклад жизни, верования, обычаи, установки и взгляды албанцев Украины на протяжении четырех-пяти столетий.

Несмотря на то, что г. Корча и *краина* Дэвол территориально близки, между ними проходит ряд изоглосс, позволяющих реконструировать не только лексические формы говора албанцев Украины, но и атрибутировать локальную привязанность этих форм. Самым важным в этом языковом факте является то, что население соседних с Дэволом *краин* и территорий воспринимает междометие *ri* как маркер говора Дэвола и местного типа речи.

Полевая работа в Албании в 2010—2013 годах позволила собрать материалы, касающиеся переселения албанцев в пределы Болгарии и России. Эти материалы проливают новый свет на проблему и ставят вопросы подчас совсем

другого плана. Речь идет о меморатах, устойчиво бытующих среди местного населения [17, с. 85–88]. В сборе таких материалов и данной информации автор обязан мэтру албанской этнографии, крупнейшему специалисту в области албанского традиционного костюма Андромачи Гьерги (Andromaqi Gjergji).

По информации А. Гьерги, недалеко от Корчи, в области Колёнья (Kolonjë — а), в горных деревнях, местные жители часто вспоминают, что давным-давно у них проживали односельчане, которые собрались семьями и уехали далеко на восток. «В данной местности крестьяне часто рассказывали раньше о том, что когда-то большая часть местного населения снялась с обжитых мест и двинулась на восток. Из уехавших никто в родные места не вернулся, и потому местные люди так никогда и не узнали о судьбе своих соплеменников» [17, с. 86, 88]. Архивных материалов той эпохи на эту тему, как ни жаль, не сохранилось (во всяком случае они нам не известны). Рассказы о миграциях являются неотъемлемой частью устной этнической истории и фольклора. Однако чаще всего встречаются воспоминания о трудовой миграции. Мемораты о переселении значительной части населения фиксируются только в Колёнье и Дёволе.

В любом случае, при отсутствии архивных документов по данному вопросу, главными аргументами в локализации этой группы населения могут служить лингвистические данные по говорам юго-востока Албании, а также Буджака и Приазовья, рассматриваемые в сравнительном аспекте, и полевые материалы, фиксирующие воспоминания о переселении в разных точках его маршрута (начиная с места исхода, промежуточных пунктов и места конечного расселения).

Конфессиональный фактор. В плане самоотнесения к определенной этнической общности весьма важен фактор религиозной принадлежности (об этом, например, в ходе экспедиций 1998–2010 годов в с. Георгиевка были записаны тексты у албанки Софии Ивановны Бурлачко, 1937 г. р.) [18, 20, 23]. Большая часть

албанцев Украины видит весьма важным свое православное вероисповедание. То, что албанцы православные, вводит их (по мнению большинства информантов) в мир православных народов. А потому противопоставление *своих* и *чужих* проводится чаще именно по религиозному признаку, а не по этнической принадлежности. В албаноязычных селах исключительно устойчиво воспоминание о том, что сняться с родных мест и отправиться на чужбину албанцев вынудили именно религиозные притеснения, чинимые турецкими властями.

То, что албанцы Украины часто скорее склонны самоотнести себя по конфессиональному признаку, а не по этнической принадлежности, свидетельствует и такой факт. Во время обострения кризиса на Балканах в 1999 году, когда войска НАТО развернули военные действия против бывшей Югославии, албанцы приазовских сел сочувствовали сербским беженцам из Косово и осуждали албанский сепаратизм, равно как и агрессию НАТО против Сербии. По завершении открытого военного конфликта мною были записаны многочисленные интервью с информантами, в которых осуждались действия против православных сербов. Более того, ряд информантов вообще не делал разницы между собой, православным, и сербским населением Косово и Метохии, исповедующим православие.

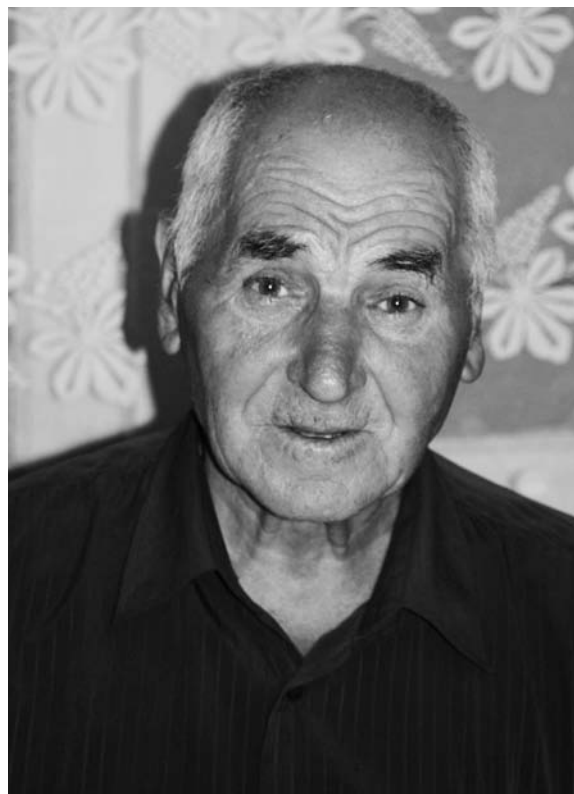
Данные события также показали разницу во взглядах между жителями приазовских сел и села Жовтнево в Одесской области. Албанцы Буджака в косовском конфликте выступали на словах на стороне албанцев, терпящих притеснения со стороны сербских властей, полиции и армии. Истоки подобной разницы взглядов лежат, возможно, в большей консолидации албанцев Буджака. Здесь, в Жовтневом, они проживают компактно, издается газета на албанском говоре, работает фольклорный коллектив, поэтому албанская идентичность превалирует над конфессиональной принадлежностью.

Однако конфессиональная принадлежность к православию не всегда доминирует в вопро-

сах самоотнесения и албанцев Приазовья. Так, можно привести следующий факт. В 1995 году в албанские села Украины приезжали журналисты, албанцы из Македонии (Sefer Musliu, Daut Dauti, Afet Miftari). После своего ознакомительного визита они приехали вновь с большим музыкальным коллективом. Артистов распределили жить по домам. Практически всем местным довелось общаться с албанцами Македонии, мусульманами по вероисповеданию, на смеси своего родного говора и албанского албанцев Македонии, в основе которого лежат говоры гегского диалекта. Артисты жили в с. Георгиевка несколько дней [30]. Выступали с концертами в самой Георгиевке и в соседних селах — Девнинском и Гаммовке. После их отъезда стали складываться многочисленные былички, воспоминания и легенды, в том числе и этногенетического характера. Местные жители стали говорить, что они хорошо понимали албанцев из Македонии, что их язык ближе к их языку, а не к албанскому Албании или албанскому Косово. Значит, делали вывод жители сел, албанцы в Болгарию, а затем в Приазовье пришли из Македонии. И здесь уже языковая близость брала верх над конфессиональной принадлежностью.

Во время полевой работы в течение последних лет мне довелось записать у информантов уже не один рассказ о том, что предки албанцев Приазовья прежде жили на территории Македонии. Языковой материал, хотя и говорит в поддержку тоскской основы говора албанцев Украины [28, с. 163–180; 27, с. 26–36; 35; 13], не исключает вероятности локализации поселений предков современных албанцев Украины в Западной Македонии, в районах распространения переходных и смешанных говоров. Не исключен и факт поэтапной миграции.

Самосознание албанцев Украины характеризуется неизменным желанием локализовать место изначального проживания своих предков на территории Балканского полуострова, а одновременно и свое место среди народов региона, Балканского полуострова,

Поэт Петр Кириллович Мержев.
с. Георгиевка. Фото А. Новика.
Июль 2013 г.

европейского континента, мира, а также постоянными попытками объяснить причины переселения в данные края и одновременно «оправдать» тот факт, почему они не являются частью основного албанского этнического массива, а представляют группу диаспоры. В этих попытках можно проследить ряд любопытных моментов.

Во время экспедиционной работы 2005 года в с. Георгиевка удалось зафиксировать рассказ о том, что албанцы Украины являются потомками албанцев Кавказа [21]. Информант почерпнул свои сведения об этом из энциклопедии. Конечно же, материал о Кавказской Албании (Албании-Алуанк) в энциклопедии никак не был связан с албанцами Украины, однако информант, прочитав словарную статью, домыслил возможность миграции сам. Самое интересное, что в дальнейшем я зафиксировал несколько подобных рассказов у местных жителей. И все они ссылались на авторитет предыдущего информанта.

Подобные рассказы свидетельствуют о том, что местным жителям отнюдь не безынтересны легенды, связанные с происхождением албанского этноса и с историей его расселения. В комплексе этногенетических легенд и гипотез о причинах поселения в Причерноморье и Приазовье важное место занимает статус родного языка.

Проблема идиома. Для любого этноса язык является одним из главных структурных компонентов самосознания и самоопределения. В большинстве случаев именно язык является определяющим этнодифференцирующим признаком [14; 32]. Албанцы Украины не только не представляют исключения, но и являются собой пример этнической группы, главным дифференцирующим признаком которой является именно язык. Из среды болгар и гагаузов, переселившихся в Буджак и позднее в Приазовье, албанцы выделяются в первую очередь именно языковой принадлежностью. Практически пять веков албанцы жили в Восточной Болгарии среди болгар и гагаузов. За этот длительный период сложилось очень много общих черт, характеризующих уклад жизни, традиционно-бытовую культуру, праздничную обрядность и систему духовно-нравственных ценностей у представителей трех народов. Общее вероисповедание в форме православия, схожие исторические судьбы и совместное переселение на новые места консолидировали эти группы населения. Зачастую очень сложно найти разницу в сохраняющихся элементах традиционной культуры, характеризующей тот или иной народ. Поэтому практически все время проживания на территории Российской империи / Советского Союза предки нынешних жителей албанских, болгарских и гагаузских сел считали друг друга *своими*. И лишь язык был главным дифференцирующим признаком, позволявшим сохранить этническую идентичность. Именно язык давал возможность передавать последующим поколениям накопленный опыт, систему оценок и культурные достижения, которые не позволили албанцам раствориться в полиэтничной среде региона.

А потому у албанцев особое отношение к своему языку. Степень владения идиомом у разных представителей албанцев Украины различная. Однако знание албанского языка, по мнению большинства информантов, является непременным условием албанской идентичности.

Вопреки мнению скептиков, албанский говор не только не исчез, но и продолжает развиваться в тесном взаимодействии с русским, болгарским, гагаузским и украинским языками. Представители старшего поколения (те, кому за шестьдесят) говорят между собой по-албански. Молодежь и люди среднего поколения используют албанский лишь в разговоре со старшими либо в ситуации, когда носители албанского языка не хотят, чтобы их поняли окружающие. Здесь албанский выступает в роли «тайного» языка, доступного лишь ограниченному кругу *своих* (в противоположность *чужим*) [29, с. 358–364].

Главным препятствием, тормозящим более широкое распространение албанского, по общему мнению местных жителей, является отсутствие письменной традиции говора. Скажем, в соседних болгарских селах есть библиотеки с книгами на болгарском, в школах ведутся факультативы по болгарскому языку. Албанцы считают это признаком *высокого статуса* языка. В албанских селах всего указанного нет. Местные жители не знают даже албанского алфавита. Тем не менее, в селах появились местные поэты [12], которые пишут стихи на албанском, используя кириллическую графику. Петр Мержев и другие сочиняют пространные произведения, используя средства родного языка [31, с. 177–184]. На албанском языке поют песни.

Что касается поэзии П. Мержева, то большинство носителей идиома считают его произведения написанными на хорошем албанском и обладающими высокими художественными достоинствами. При этом такого мнения придерживаются как жители Георгиевки, так и Девнинского.

Единственный недостаток в плане языка, который отмечают практически все информанты,

знакомые с творчеством Петра Кирилловича, это отсутствие какой-либо буквы, обозначающей гласный звук среднего ряда, среднего подъема (передающийся на письме в современном албанском литературном языке буквой *ë*).

Степень владения языком может быть совсем разной у представителей различных сел, у информантов разных возрастов и различного образовательного уровня. В ходе полевой работы приходилось сталкиваться со случаями, когда информант буквально знал несколько слов по-албански, но считал при этом, что он владеет албанским языком. И это нельзя воспринимать в качестве завышенной самооценки, выпячивания слабых знаний или бахвальства. Просто те несколько лексем, которые усвоил информант, позволяют ему приобщать себя к этнической группе, к общности, к которой он принадлежит по рождению или самосознанию. И в данном случае язык воспринимается как важнейший маркер этнической принадлежности. По мнению большинства опрошенных информантов, «если ты албанец, то ты должен владеть албанским языком». Более того, часть опрашиваемых придерживается мнения, что если человек не знает албанского, он не может считать себя албанцем. Однако в действительности реальность оказывается иной. Высокую степень языковой компетенции демонстрирует лишь небольшой процент взрослого населения (не более 10 %). А албанцами себя считает большая часть населения албаноязычных сел. Соответственно постулируемый лозунг о том, что язык является неперенным и основным маркером этнической идентичности, разбивается о реалии.

1. Будина О. Р. Научный отчет об экспедиционной работе Приазовского отряда в 1973 г. // Итоги полевых исследований / отв. редактор З. П. Соколова. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. – С. 239–255.

2. Державин Н. С. Албановедение и албанцы // Язык и литература. – Ленинград, 1926. – Т. 1. – Вып. 2–3.

3. Державин Н. С. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // Советская этнография. – 1948. – № 2.

Символы и маркеры идентичности.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что среди албанского населения Украины исключительно высока степень этнического самосознания. Носители албанской идентичности [10, с. 239–252] могут не владеть родным языком, плохо разбираться в этнической истории (либо даже не представлять ее основные периоды), не знать традиций, однако уверенно причислять себя к албанской этнической общности. Устойчивые символы самосознания — язык, профессиональная принадлежность, общность исторического прошлого, сопричастность к единому духовному наследию [34] и система ценностных характеристик — определяют мировоззрение современных албанцев Буджака и Приазовья.

Во время полевой работы в течение шестнадцати лет был собран значительный языковой и этнографический материал, касающийся самосознания албанцев Украины и его определяющих символов. Подводя некоторые итоги, хочется отметить, что албанцы Приазовья до сих пор продолжают говорить по-албански, отмечают албанские праздники, поют песни на болгарском языке, которые они считают «своими», и готовят албанские блюда. При этом они считают себя албанцами, декларируя свою идентичность и демонстрируя гордость за свой народ. Работы для этнографов и лингвистов этот регион может предоставить множество. И албанская самобытность, вопреки некоторым прогнозам, сохраняется в селах, основанных более двух столетий назад.

4. Державин Н. С. Из исследований в области албанской иммиграции на территории бывшей России и СССР // Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесет годиштината от рождението му (1863–1933). – София, 1933.

5. Десницкая А. В. Албанская литература и албанский язык. – Ленинград : Наука, 1987.

6. Жугра А. В., Шаранова Л. В. Говор албанцев Украины // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов / отв. редактор Ю. К. Кузьменко. – С.Пб. : Изд. ИЛИ РАН, 1998.

7. *Иванова Ю. В.* Албанские села в Приазовье. Этнографические наблюдения за пятьдесят лет // Итоги полевых исследований / отв. редактор З. П. Соколова. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 40–53.
8. *Иванова Ю. В.* Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и в Крыму: история и современное состояние // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М. : ИЭА РАН, 1995. – № 82.
9. *Иванова Ю. В.* Система немассовых опросных листов для оценки устойчивости этнокультурной среды населения // Методы этноэкологической экспертизы / научный редактор В. В. Степанов. – М. : ИЭА РАН, 1999.
10. *Иванова-Бучатская Ю. Вал.* Албанцы села Георгиевка в начале XXI в.: социальная идентичность и ее компоненты // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Вып. 10 / отв. редактор С. И. Михальченко. – Брянск : Брянский государственный университет – Ладомир, 2008. – С. 239–252.
11. *Котова Н. В.* Материалы по албанской диалектологии (албанские говоры Украины) // Ученые записки Института славяноведения. – М., 1956. – Т. 13. – С. 254–287.
12. *Мержев П. К.* Судьбы людские. – Приазовское, 2007. – 244 с.
13. *Морозова М. С.* Говор албанцев Украины: эволюция диалектной системы в условиях языкового контакта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – С.Пб., 2013. – 26 с.
14. *Мыльников А. С.* Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII–XX вв. – С.Пб. : Петрополис, 1997.
15. Народи Північного Приазов'я (етнічний склад та особливості побутової культури) / ред. колегія : І. П. Аносов, М. В. Елькін, Б. М. Коцера, В. В. Крижко, В. С. Повіляй. – Запоріжжя, 1997.
16. *Наулко В. І.* Хто і відколи живе в Україні. – К. : Голов. спеціаліз. ред. літ. мовами нац. меншин України, 1998.
17. *Новик А. А.* Албания 2010 г. Полевые записи поездки 30.08.–11.10.2010. Ксерокопия тетради. 2010 // Архив МАЭ РАН. – Ф. К-1, оп. 2, № 1989, 103 л.
18. *Новик А. А.* Албанцы Украины. Запорожская, Одесская области. 1998. Полевые записи. Автограф // Архив МАЭ РАН. – Ф. К-1, оп. 2, № 1726, 202 л.
19. *Новик А. А.* Косово. Традиционная культура албанцев Косово. 15.08.–28.08.2010. Ксерокопия полевой тетради. 2010 // Архив МАЭ РАН. – Ф. К-1, оп. 2, № 1987, 23 л.
20. *Новик А. А.* Об албанцах Украины. г. Мелитополь – с. Георгиевка – г. Одесса. 2002. Полевые записи. Ксерокопия с автографа // Архив МАЭ РАН. – Ф. К-1, оп. 2, № 1750. 104 л.
21. *Новик А. А.* Об экспедиционной поездке в г. Мелитополь, с. Георгиевка, г. Одессу. 2005. Копия дневника. Автограф // Архив МАЭ РАН. – Ф. К-1, оп. 2, № 1796, 83 л.
22. *Новик А. А.* Полевые записи // Архив отдела европеистики МАЭ РАН, 25 л.
23. *Новик А. А.* Приазовский отряд 2010. Полевая тетрадь. 06.–26.07.2010 г. Ксерокопия тетради. 2010 // Архив МАЭ РАН. – Ф. К-1, оп. 2, № 1983, 122 л.
24. *Новик А. А.* Самосознание албанцев Украины: исторический, лингвистический и экстралингвистический контексты // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 5. – С. 75–90.
25. *Пономарьова І. С.* Етнічна історія греків Приазов'я (кінець XVIII – початок XXI ст.). Історико-етнографічне дослідження. – К. : Реферат, 2006.
26. Приазовский район: История края в поколениях / ред. коллегия: Ф. В. Пантов, Л. М. Тимофеев, Л. Н. Бородина. – Приазовское, 2009. – 352 с.
27. *Широков О. С.* Происхождение бессарабских албанцев (опыт глоттохронологии) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М., 1962. – Т. 4 (20). – С. 26–36.
28. *Islami S.* Material gjuhësor nga kolonitë shqiptare të Ukrainës // Buletin për Shkencat Shoqerore. – 1955. – N 2. – F. 163–180.
29. *Kaminskaja L, Novik A.* E folmja e shqiptarëve të Ukrainës. Të dhënat e ekspeditës 2008 // Seminari II Ndërkombëtar i albanologjisë. 22–28 Shtator 2008. – Tetovo : Drajaven universitet vo Tetovo, 2008. – F. 358–364.
30. *Musliu S., Dauti D.* Shqiptarët e Ukrainës. Udhëpërshkrime dhe punime shkencore. – Shkup : Shkupi, 1996. – 208 f.
31. *Novik A.* Koha në veprimtarinë e shkrimtarëve shqiptarë të Ukrainës // Seminari XXVI ndërkombëtar për gjuhën, letërsinë dhe kulturën shqiptare. # 26/2 / Kryeredaktor prof. Dr. Imri Badallaj. – Prishtinë : Universiteti i Prishtinës – Universiteti i Tiranës, 2007. – F. 177–184.
32. *Stublla Sh.* Mbijetesa (Aspekti muzeor). – Prishtinë, 2007.
33. *Tirta M.* Etnologjia e shqiptarëve. – Tiranë : GEER, 2003. – 540 f.
34. *Tirta M.* Mitologjia ndër shqiptarë. – Tiranë, 2004. – 452 f.
35. *Voronina I., Domosileckaja M., Sharapova L.* E folmja e shqiptarëve të Ukrainës / Përkthyes M. Vejzaj. – Shkup : Shkupi, 1996. – 208 f.